

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-165-179

УДК 398.21

Русские народные сказки в США: в графических комментариях А. Алексеева и научном осмыслении Р. Якобсона

Лола Уткировна ЗВОНАРЁВА ✉, Олег Викторович ЗВОНАРЁВ

Институт мировых цивилизаций

119049, Российская Федерация, г. Москва, Ленинский проспект, 1/2, корп. 1

✉ lzvonareva@mail.ru

Аннотация. Проанализированы графические комментарии русского художника эмигранта первой волны Александра Алексеева к русским народным сказкам, изданным в США в 1946 г. Отмечено: А. Алексеев был не первым иллюстратором русских волшебных сказок в США, поскольку первым их проиллюстрировал великий русский художник-иллюстратор И.Я. Билибин. А. Алексеев привнёс в иллюстрирование народных сказок своё видение художественных образов, соединив старославянские мотивы и христианскую символику. Подчёркнуто: уникальность издания объясняется ещё и тем, что предисловие к нему принадлежит перу известного филолога и исследователя древнеславянского и русского фольклора Романа Якобсона, текст которого приводится впервые на русском языке. Кратко рассматривая жизненный путь и научные интересы Р. Якобсона, отмечено: логичным представляется то, что он принял не только таинство православного крещения, но и стал разделять научные воззрения сторонников «евразийства». С этой точки зрения, анализируемое издание русских волшебных сказок целостно по содержанию, гармонично объединяя традиционные ценности культурного наследия русского мира и творчество выдающихся деятелей, развивавших и пропагандировавших своими трудами его ценности и непреходящее значение.

Ключевые слова: Александр Алексеев; Роман Якобсон; Иван Билибин; Н.Я. Данилевский; русские народные сказки; книжная иллюстрация; древнеславянская и древнерусская культура; русский мир; евразийство

Для цитирования: Звонарёва Л.У., Звонарёв О.В. Русские народные сказки в США: в графических комментариях А. Алексеева и научном осмыслении Р. Якобсона // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 165-179. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-165-179

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Russian fairy tales in the USA: Alexander Alexeieff's graphic interpretation and Roman Jacobson's scientific comprehension

Lola U. ZVONAREVA ✉, Oleg V. ZVONAREV

Institute of World Civilizations

1 Bldg., 1/2 Leninsky Ave., Moscow 119049, Russian Federation

✉ lzvonareva@mail.ru

Abstract. We analyze the graphic commentaries of Alexander Alexeieff, the illustrator and the first wave emigrant, made for The Russian Fairy tales published in the USA in 1946. We believe A. Alexeieff to have been the second to illustrate The Russian Fairy tales in the USA as Ivan Bilibin, the eminent Russian painter and book illustrator had preceded him. A. Alekseev brought his

vision of artistic images to the illustration of The Russian Fairy tales, combining ancient Slavonic motives with Christian symbolism. We assume the publication also to be unique as Roman Jakobson, the well-known philologist and ancient Slavonic and Russian folklore explorer wrote the foreword to the book being cited in Russian for the first time. Having briefly considered R. Jakobson's life and creative work, we presume it to be quite logical for Jakobson to have been baptized according to the Russian Orthodox tradition, as well as to have backed up the theory of Eurasianism. From this point of view, the analyzed edition of The Russian Fairy tales is holistic in content, harmoniously combining the traditional values of the cultural heritage of the Russian world and the work of outstanding figures that developed and propagated its values and enduring significance through their works.

Keywords: Alexander Alexeieff; Roman Jakobson; Ivan Bilibin; N.Y. Danilevskij; Russian Fairy tales; book illustration; ancient Slavonic and ancient Russian culture; Russian world; Eurasianism

For citation: Zvonareva L.U., Zvonarev O.V. Russkiye narodnyye skazki v SSHA: v graficheskikh kommentariyakh A. Alekseyeva i nauchnom osmyslenii R. Yakobsona [Russian fairy tales in the USA: Alexander Alexeieff's graphic interpretation and Roman Jakobson's scientific comprehension]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 165-179. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-165-179 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

* * *

Русский художник-эмигрант первой волны Александр Александрович Алексеев (1901, Казань – 1982, Париж) стал в США вторым, после И.Я. Билибина, иллюстратором русских народных сказок. С Билибиным Алексеев познакомился в 1920 г. в Египте, где показал ему работы и получил рекомендательное письмо, оно помогло не имевшему профессионального художественного образования молодому человеку устроиться помощником декоратора в один из парижских театров. Завоевавший известность книжный график, изобретатель игольчатого экрана и автор знаменитого анимационного фильма Алексеев уезжает в США: «Скоро Париж окажется в руках немцев. Я боюсь, что они придут за мной и заставят делать для них пропагандистские фильмы» [1, с. 39].

В сентябре 1940 г. Алексеев и его ученица американка Клер Паркер прибывают в Нью-Йорк, переезжают в штат Невада, где художник разводится с первой женой Александрой Гриневской и вступает в брак с Клер, с которой проживут сорок лет, «жизнь неправдоподобно счастливую» [1, с. 40]. В Нью-Йорке Алексеев разыщет Жака Шифрина, выпустившего в парижском издательстве «Плеяда» «Записки сумасшедшего» и «Братья Карамазовы» с иллюстрациями, принёсшими художнику славу. В нью-йоркском пригороде Маунт-Вернон, куда молодая пара

переберётся, состоится рождение издательства «Пантеон букс» во главе с Шифриным. Главным занятием Алексеева стала работа над новым игольчатым экраном. Вскоре они получили первый американский контракт на короткую заставку с картой США к информационным фильмам для демонстрации в войсках за рубежом, использовавшуюся в тысячах американских пропагандистских фильмов времён Второй мировой войны [2].

Дочь Алексеева Светлана вспоминает: «Эмиграция была трудным временем для всех художников и интеллектуалов, вынужденных бежать из Европы в Америку. Им пришлось столкнуться с проблемами элементарного выживания: искать кров и приспособляться к жизни в незнакомой стране, где порядки сильно отличались от тех, к которым они привыкли дома» [1, с. 60].

Шифрин предлагает художнику иллюстрировать «Рассказы и легенды» Л. Толстого и русские народные сказки из собрания А. Афанасьева. «Рассказы и легенды» выйдут в Нью-Йорке в 1943 г. [3]. «Русские волшебные сказки» – первым изданием в 1945-м. Алексеев приступает к русским народным сказкам, работая в ином ключе, неожиданно более жёстком и строгом, хотя, казалось бы, использовал лубочные приёмы и образы.

Готовясь иллюстрировать народные сказки, художник в музее Метрополитен фотографирует предметы русского народного

искусства из коллекции изящных искусств: старинные гравюры, костюмы, изображения русских дворян, план старой Москвы; иллюстрированные издания, посвящённые искусству скифов; издания «Парижская мода», «Иллюстрированная мода», «Журнал моды», «Журнал для девушек».

Солидный том в 672 страницы со старботами художника выдерживает в США три издания – в 1945, 1946 и в 1973 г., два из них – первое и третье – в издательстве «Пантеон Букс»¹. В том включено двести из шестисот собранных А.Н. Афанасьевым сказок. Перевод на английский – Норберта Гутермана. В послесловии – статья Романа Якобсона. Переплёт обтянут оранжевой тканью с золотым тиснением – изображением сказочной Жар-птицы на лицевой крышке. Зелёная целофанованная суперобложка украшена рисунками. Книга спрятана в футляр в таком же оформлении с изменённым повтором цветной иллюстрации к первой сказке «Волшебное кольцо» в чёрно-белом варианте. На клапане суперобложки читаем: «Первое исчерпывающее по полноте издание на английском русских волшебных и народных сказок из известного сборника А.Н. Афанасьева, русского аналога волшебных сказок братьев Гримм, включает наиболее характерные и выдающиеся сказки русского народа. Эта книга открывает читателям новый мир наполненного образностью фольклора и знакомит с русской версией таких универсальных персонажей волшебных сказок, как ведьмы и герои, говорящие животные, злые колдуньи и благочестивые девицы, практичные крестьяне и праведные «божьи люди», также как и с такими уникальными, существующими только в русских сказках героями, как Жар-птица и Кощей Бессмертный. И в самом деле, представляя собой народное литературное творчество, эти сказки – кладёзь незапамятного психологического и исторического опыта и предоставляют бесценный ключ к пониманию характера великой нации. И последнее, по месту, но не по значению: они – восхити-

тельное чтение как для молодых, так и для людей старшего возраста. Все сказки представлены в новом переводе, а множество из них переведено на английский впервые. В иллюстрациях А. Алексеев, художник-иллюстратор, русский по крови и воспитанию, сочетает великолепную художественную технику и подлинное знание России, её традиций и обычаев» (перевод с английского О.В. Звонарёва)².

В чёрно-белых перовых заставках, концовках Алексеева – изображения хитрой лисицы, свёрнутой в кольцо рыбы-щуки с ключими острыми плавниками, двуглавого орла, жар-птицы в крошечной короне... Пляшущие в присядку удалые молодцы то по двое, то вереницей, движущиеся в танце девицы, танцующие на задних ногах цирковые лошади, дерущиеся друг с другом рогатые черти с вилами в костлявых руках только кажутся взятыми из лубков. На суперобложке трио музыкантов наяживает на народных инструментах с ожесточением. В концовках – ряды крохотных старинных пушек и «металлических» солдат. Художник ограничивается пятью цветами, принятыми в лубке: малиновым, зелёным, жёлтым, красным и чёрным, театрализованное художественное пространство напоминает лубочное. Композиция нередко делится на две части с разным по времени действием. Хитро жмурящийся кот в нижней части иллюстрации к сказке «Кот, петух и лиса» крупнее, чем лиса и петух в верхней части. Алексеев выбирал сюжеты, связанные с противостоянием. Полосный портрет Коцея Бессмертного – оскалившийся скелет с конём – олицетворение войны, раздиравшей в те годы Европу. Соловей Разбойник – воинственная злая птица, держащая под крылом лук, примостилась в ветвях столетнего дуба. Грузный богатырь Илья Муромец, пускающий стрелу из лука во врага, в кольчуге, со щитом и мечом, сидит на расписном игрушечном коньке, похожий на глиняную расписную игрушку. Фольклористы подчёркивают: «Сказочный дурак оказывается на деле мудрецом, чей образ жизни, мыслей и действий непонятен окружающим, живущим по общепринятым нормам» [4, с. 124]. Грубоватые штрихи гравюры, тёмно-синие мрачные оттенки создают атмосферу непо-

¹ Russian Fairy Tales. N. Y.: Pantheon Books, 1945. 661 p.; Russian Fairy Tales // The Pantheon Fairy Tale and Folklore Library. N. Y.: Pantheon Books, a division of Random House, Inc. 1973. 651 p.; Russian Fairy Tales // The Pantheon Fairy Tale and Folklore Library. N. Y.: Random House, Inc., 2006. 672 p.

² Ibid.

коя и опасности. Страшны безликие воители, конные и пешие, кто – с пиками, кто – со стрелами наступающие друг на друга, красные и чёрные, в четыре ряда по вертикали, безрадостно освещённые кто – солнцем, кто – луной, в облаках, в тучах пыли – в плоскостном, силуэтном решении.

Сказочные сюжеты давали Алексею возможность фантазировать – в иллюстрации про волшебного Финиста Ясного Сокола над стилизованными теремами парит полуптица-полуоноша в нарядном убранстве, Марья Моревна напоминает Шамаханскую царицу восточным одеянием: шароварами и перьями в волосах. Т.В. Зуева утверждает: этот образ А.С. Пушкин заимствовал из сказки П.А. Катенина «Княжна Милуша» (1834), где Шамаханская царица – «ведьма-оборотень, внезапно явившийся и исчезнувший призрак, посланный герою как испытание его верности невесте Милуше» [5, с. 130].

Неожиданны бодучие и глупые коровы в облаках (сродни летающим козам М. Шагала, жившего в то время в США и иллюстрировавшего для того же издательства). На доске раскачивается глиняный человечек и расписная кукольная фигурка («Не нравится, не слушай»). Над притаившимися втроём на печке испуганными, похожими, как близнецы, братьями возвышается в пушистых облаках ярко-красный златогривый конёк, смахивающий на игрушечного («Свинка золотая щетинка, утка золотые пёрышки и златогривый конь»). Фантазия художника, сюрреалистические мотивы, штрих, напряжённо решённое пространство лишены шутейства русских «потешных картинок». На титульном листе – московский Кремль, Успенский собор, кремлёвская башня, однообразные домишки вокруг. В небе парит Дева-птица в русском убранстве, с нимбом и ангельскими крыльями... Её руки распростёрты над Кремлём: Богородица, по преданию, не раз спасала Москву. Собака и кот из сказки «Волшебное кольцо», вместе с маленьким оркестром и женихом – крестьянским сыном, ударившимся на свадьбе в пляс, открывают американский том «Волшебных русских сказок». Этот пёс – не любимец ли Клер пудель Джериго, а кот – не алексеевский ли символ, повторяющийся во многих его работах?

Главным событием жизни Алексея в США оставалась женитьба на Клер.

В частном швейцарском архиве фонда «Art ex east» мы обнаружили материалы, связанные с нью-йоркским изданием. Там хранится экземпляр книги 1945 года издания, принадлежавший Марине Леирин (Marina Leirin), чьё имя проставлено на авантитуле, множество иллюстраций, вручную раскрашенных Алексеевым. Пара цветных пронумерованных корректур одной иллюстрации с изображением крестьянина, открывающего сундук, 2 цветные копии, приклеенные к миллиметровой бумаге с изображением всадника, 8 цветных копий иллюстрации с изображением виселицы, цветная копия иллюстрации с другим изображением всё той же виселицы, 6 цветных копий титульной страницы. В этом же швейцарском фонде хранятся и рисунки-эскизы, сделанные чернилами, показывающие, насколько тщательно готовился художник к иллюстрированию обычного, не подарочного издания (лиса, концовка с лучниками, упряжки, концовки с птицами). В фонде хранится и автограф Жака Шифрина с указанием, какие страницы иллюстрировать, подписанный инициалами Ж. Ш. В архив передана дочерью художника машинописная рукопись, озаглавленная «Русские волшебные сказки», со списком иллюстраций в каждой главе и аннотациями, написанными карандашом и чернилами.

До Алексея русские волшебные сказки в США выходили с иллюстрациями Ивана Яковлевича Билибина, эмигрировавшего в 1920 г. из Новороссийска на пароходе «Саратов». До 1925 г. Билибин жил в Александрии, в августе переехал в Париж. Иван Яковлевич прославился иллюстрациями к русским народным сказкам, сказкам братьев Grimm, «Тысячи и одной ночи», сказке Г.Х. Андерсена «Русалочка» («Фламарион», 1937), «Сказке о золотой рыбке» А.С. Пушкина. Иван Яковлевич, опираясь на традиции древнерусского и народного искусства, создал «Стиль рюсс». Вернувшись из эмиграции в СССР в 1936 г., Билибин стал профессором Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств в Ленинграде, в 1939 г. получил звание доктора искусствоведения. После начала Великой Отечественной войны И.Я. Билибин отказался

эвакуироваться, в блокированном Ленинграде в новогоднюю ночь расписал скатерть древнерусскими яствами, написал патристическую оду [6, с. 317-327] и умер 7 февраля 1942 г. от истощения. Его похоронили в братской могиле профессоров Академии возле Смоленского кладбища.

Алексеев в иллюстрирование народных сказок привнёс своё видение художественных образов, соединив старославянские мотивы и христианскую символику.

Не менее примечательно и предисловие к изданию, принадлежащее перу Романа Осиповича Якобсона, окончившего в 1918 г. Московский университет, работавшего там до 1920 г., возглавляя основанный им Московский лингвистический кружок. Якобсон был на пять лет старше Алексеева, стал другом В.В. Маяковского и героем стихотворения «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»:

«Помнишь Нетте, – // в бытность человеком // ты пивал чай // со мною в дипкупе? // Медлил ты. // Захрапывали сони. // Глаз // кося // в печати сургуча, // напролёт // болтал о Ромке Якобсоне // и смешно потел, // стихи уча» [7, с. 383].

Спустя десятилетия после самоубийства поэта Якобсон встретится с Лилей Брик и защитит от её притязаний память великого друга: «Считай, что Володя дал тебе пощёчину», – объявила она (Лиля Юрьевна. – Л. З., О. З.) Якобсону. «Вот как? – деланно изумился Роман Осипович. – Ты и право раздавать пощёчины унаследовала от Володи?» [8, с. 431].

В 1920 г. Якобсон с миссией Красного Креста попал в Чехословакию, работал в полпредстве СССР. Основал Пражский лингвистический кружок, в 1930 г. защитил докторскую диссертацию по фольклористике в Немецком университете Праги на немецком языке «О стихосложении сербскохорватского народного эпоса» (нем. *Über den Versbau der serbokroatischen Volksepen*), преподавал русскую филологию, древнечешскую литературу. В 1937 г. получил чешское гражданство.

После ввода немецко-фашистских войск в Чехословакию Якобсон с семьёй эмигрировал в Данию, а затем – в Норвегию, где работал в Институте сравнительной культурологии и был избран действительным членом Академии наук Норвегии. В апреле 1940 г.,

после нацистского вторжения, Якобсоны бежали в Швецию, в мае 1941 г. – в США на американском грузовом судне. Якобсон прибыл в Америку на год позже Алексеева и в 1942–1946 гг. работал профессором общей лингвистики в Вольной школе общих исследований. В 1943–1946 гг. в должности приглашённого профессора лингвистики в Колумбийском университете исполнял обязанности сотрудника чехословацкой военной разведки в США, участвовал в основании в 1944 г. Нью-Йоркского лингвистического кружка и журнала «Слово» (“Word”). В 1946 г. в Колумбийском университете организовали кафедру чехословаковедения (*Chair of Czechoslovak Studies*), где Якобсон работал со дня основания. В 1949 г. оставил университет из-за обвинений в прокоммунистических симпатиях. В 1949–1965 гг. трудился на должности профессора славянских языков и литературы Гарвардского университета (с 1965 г. – на должности профессора-эмерита (*Professor Emeritus*), с 1957 г. – профессором Массачусетского технологического института. 17 ноября 1952 г. получил гражданство США.

Роман Якобсон занимался фольклором со студенческих лет, в Московском университете вместе с Петром Богатырёвым участвовал в фольклорной экспедиции [8, с. 438]. Он утверждал: социальные и культурные явления определяются внутренней структурой и системой отношений с другими явлениями в социальных и культурных системах. С этих позиций он разбирает во вступительной статье структуру и символику русских волшебных сказок. Его подход интересен современным исследователям, поэтому мы полностью приводим статью «О русских народных сказках» в переводе с английского О.В. Звонарёва, публикующуюся на русском языке впервые.

* * *

I. ИХ ЖИЗНЬ – ИХ ИЗУЧЕНИЕ

«Когда Иван (Грозный) ездил осматривать своё государство, многие простолюдины и дворяне подносили ему дары. Один честный лапотник, который плёл лапотки и продавал по копейке пару, не знал, что поднести царю, и просил у жены совета.

– Поднеси пару хороших лапотков, – сказала она.

– Это не редкость! – отвечал он, – а есть у нас в саду огромная репа. Мы поднесём ему эту репу, а вместе и пару лаптей.

Как сказано, так и сделано. Император милостиво принял подарок и, износив сам одну пару лаптей, заставил всех дворян покупать у крестьянина лапти по пяти шиллингов пару. Это составило крестьянину состояние, он начал торговать, и скоро так разбогател, что оставил после себя значительное имение. Потомки его получили дворянство и называются теперь Лапотскими. Есть одно дерево, подле которого стоял прежде дом его и на которое проходящие по обычаю бросают свои старые лапти, в память этого лапотника.

Один дворянин, видя, что такая награда получена была за репу, хотел также получить (награду и ещё значительнее) за хорошего коня. Но царь, угадав его намерения, подарил ему взамен ту большую репу, которую получил прежде, и таким образом заставил всех над ним смеяться».

Эта история об Иване Грозном, вместе с девятью другими русскими народными сказками, записана доктором медицины из Оксфорда Сэмюелем Коллинзом (1619–1670). В 60-х гг. XVII века он жил в Москве и являлся врачом царя Алексея Михайловича, отца Петра Великого, и, помимо собольей шубы, подаренной повелителем, привёз с собой на Родину любопытные сведения о Московской империи. Вскоре после смерти записи Коллинза опубликовали под названием «Нынешнее состояние России» (Лондон, 1671). Вышеупомянутые сказки вошли в эту книгу.

Классическое, фундаментальное собрание русских народных сказок подготовлено и опубликовано выдающимся учёным-этнографом Афанасьевым, издававшим его в нескольких книгах с 1855 по 1864 г.³ Двести лет разделяют это издание и скромный дебют Сэмюеля Коллинза. Стоит помнить: эти сказки были впервые записаны не на их родном языке, а затем и опубликованы не на их Родине, но в Англии в переводе на английский. Аналогична история и с древними русскими народными песнями, впервые записанными по инициативе бакалавра из Оксфорда Ричарда Джеймса, служившего капелланом в английской дипломатической мис-

сии в Москве и вернувшегося в Оксфорд в 1620 г. с этими бесценными текстами. Не в России, но в Англии в конце того же века Г.В. Лудольфом предпринята блестящая попытка издать грамматику русского разговорного языка, вышедшую из-под его пера.

Такие проявления активного внимания к устному русскому языку и поэзии характеризуют, без всякого сомнения, широту британских интересов в области географии и науки в XVII веке. С другой стороны, здесь возникает немаловажный вопрос о том, почему на Родине русский разговорный язык и традиции устного творчества в течение такого долгого времени существовали только в устном виде, без соответствующих записей. Здесь мы встречаемся с одной из наиболее любопытных черт культурной жизни русского народа, резко отличающейся от её аналогов, существующих в западном мире. В течение долгих веков создание письменных памятников русской литературы оставалось лишь прерогативой церкви: со всем богатством издания и художественностью исполнения, памятники древнерусской литературы полностью посвящены житию святых и блаженных с праведными историями, молитвами, поучениями, духовными рассуждениями и монастырскими хрониками. Миряне в древней Руси имели в распоряжении оригинальные, обширные и разнообразные по тематике, красиво изданные книги, но единственным способом ознакомления для многих с их содержанием был устный пересказ. Идея использования письменности для записи недуховных стихов абсолютно чужда русским традициям, и выразительные средства такой поэзии неотделимы от наследия устного творчества и традиций их устного исполнения.

Отклонения от принципа такой дихотомии (духовные писания – светская поэзия) редко наблюдались в истории древнерусской литературы. Таким образом, существование агиографии и апокрифов повлияло на появление новой разновидности фольклора – устных легенд и духовных песен. С другой стороны, в древнейший период русской истории, до монголо-татарского нашествия в XIII веке, отдельные сюжеты светского содержания из памятников устного творчества проникали в письменную литературу, и бесценные фрагменты древних письменных эпосов,

³ Автор имеет в виду «Народные русские сказки» – самый известный и полный сборник русских народных сказок. Составлен А.Н. Афанасьевым, издан в 1855–1863 гг. Вторая (переработанная) редакция была опубликована в 1873 г. (посмертно). – Прим. пер.

тесно связанные с сюжетами устного творчества, чудесным образом сохранились в дошедших до нас письменных русскоязычных манускриптах. Более того, отголоски этих героических сюжетов появлялись и позже в русскоязычных рукописных памятниках, особенно учитывая многовековую борьбу против монголо-татарского ига. Но былины о богатырях немногочисленны по сравнению с десятками тысяч старорусских духовных текстов, и, за некоторыми исключениями, религиозная тематика всё чаще превалировала в рукописных памятниках.

Миры из царского окружения и бояре, вплоть до мелкопоместных, продолжали удовлетворять тягу к развлечениям и искусству, обращаясь к традициям устного творчества. Таким образом, было бы ошибочным считать эти традиции и творческую деятельность отличительной чертой представителей только низших сословий. Устное литературное творчество России в допетровскую эпоху было в ходу на всех ярусах социальной пирамиды, и, благодаря полиморфизму, бесклассовости и национальному характеру русского фольклора, оказало заметное влияние. В древнерусском обществе разница между письменной и устной литературой состояла в присущих произведениям того или иного жанра функциях, а не в их социальной роли.

Фольклор брал на себя многочисленные функции светской литературы, а язык произведений этого жанра близок к тогдашнему разговорному русскому. Памятники письменной литературы создавались для духовных целей и написаны на церковно-славянском языке, до некоторой степени модернизированной и русифицированной версии языка, на котором, при зарождении христианства в славянских землях, написаны церковные книги в Великой Моравии и Болгарии.

Наиболее характерные черты истории России XVII века – беспрецедентные бунты наряду с социальными сдвигами и переоценкой традиционных ценностей. В результате начали исчезать границы между литературой на духовные и мирские темы, памятниками письменного и фольклорного творчества, письменным и разговорным языком, традиционная ранее разобщённость сменилась плодотворным взаимопроникновением. Начинается процесс секуляризации письменного

литературного творчества; в первый раз в истории Московской державы предпринимаются попытки создавать письменные произведения не духовного содержания. А поскольку единственной исконной традицией, на которую мог оказать влияние этот процесс, было наследие устного творчества, то в русской литературе XVII века начинает чувствоваться сильное влияние фольклора. В свою очередь, книга, особенно в переводе с иностранного языка, теперь оказывает намного более заметное влияние на устное поэтическое творчество. Когда русская литература перестала ориентироваться только на духовную тематику, стали чаще появляться переводы книг с иностранных языков. И затем, в соответствии со старыми традициями, сказочный жанр, существующий в устном литературном творчестве, восприимчивый к темам светской жизни, легко впитал в себя этот новый материал. Русская литература XVII века особенно богата произведениями, созданными на границе жанров устного и письменного творчества, и в результате прихотливого слияния этих элементов возникли такие своеобразные, неподражаемые шедевры устного творчества, как сказки «Горе-Злосчастье», «Савва Грудцын», «Парень и девушка» и т. д. Но именно такая гибридная форма, возникшая в результате слияния различных жанров, демонстрирует, насколько глубоко укоренилось в сознании русского народа понимание различий между двумя разнородными литературными жанрами, письменным и устным. Фольклорные произведения видоизменялись, будучи перенесёнными на бумагу, подлинные русские народные сказки и песни XVII века могли дойти до нас только благодаря причудам иностранных путешественников, таких, как Коллинз и Джеймс.

Начиная с XVII века развитие русской светской литературы, посвящённой мирским проблемам, не прекратилось, равно как она продолжала испытывать влияние устного народного творчества. Но, с приходом XVIII века, в России на повестку дня поставлены перед литературой новые задачи, а именно: проявившаяся тенденция к возникновению литературы, ориентированной исключительно на дворянское сословие, влекла за собой стремление изолировать и возвести в абсо-

лют язык, на котором она создавалась. Тем не менее, процесс сужения социальной аудитории устного фольклора и превращения его из достояния всей нации в таковое только для простого народа происходил постепенно. В течение долгого периода времени фольклор продолжал звучать в домах представителей имущих сословий, но занимая там всего лишь скромный уголок, в то время как возвышенная поэзия, созданная по классическим канонам, царила в светских салонах. Даже несмотря на такое положение вещей, Василий Тредиаковский, один из наиболее известных авторов новой литературы, неоднократно признавал: даже эти произведения, несмотря на весь их аристократизм и западничество, основывались на фольклорных сюжетах.

Уже в XII веке в русских рукописных документах можно прочитать историю о богатом человеке, который, страдая от бессонницы, приказал слугам щекотать себе ступни, брнчать на гусях и рассказывать ему волшебные сказки. Иван Грозный, ставший одним из наиболее популярных героев русских народных сказок, был их ярым поклонником и знатоком: в его спальне всегда присутствовали три слепых сказителя, рассказывавших ему волшебные сказки на ночь, пока он не засыпал. К услугам знающих сказителей, которые, рассказывая сказки, разнообразили жизнь царя и царицы, царевичей и бояр, прибегали вплоть до XVIII века. Даже в конце XVIII века мы можем встретить в русских газетах объявления слепых, искавших работу в домах знатных господ в качестве рассказчиков сказок. В детстве Лев Толстой засыпал под сказки, рассказанные ему стариком, давно приведённым в дом деда графа, потому что он знал множество сказок и умел мастерски их рассказывать.

Народные сказки часто издавались в виде собрания дешёвых цветных картинок, ориентированных на обычных людей. Но народные сказки было недопустимо публиковать в более качественных и дорогих изданиях, и когда, уже в конце XVIII века, известный собиратель фольклора Чулков попытался попотчевать читателей тремя оригинальными народными сказками, критики протестовали против такого начинания, «потому что самый неграмотный крестьянин мог

без всякого труда сочинить десять подобных сказок, и, если всех их напечатать, то это означало бы бесполезный расход бумаги, перьев, чернил, типографского шрифта, не говоря уже о труде издателей».

Позже, в том же ключе современные ему критики реагировали на попытки Пушкина подражать народным сказкам и крайне отрицательно относились к вторжению «мужика» в общество благородных господ. Если такое подражание и допускалось, то прямо и вульгарно, противоречащее утончённым привычкам и вкусам, должны быть исключены. И когда автор, стилизуя народную сказку, был уже морально и физически готов к тому, чтобы обесцветить и как следует «причесать» её, критики с удовлетворением объявили: «совершенно очевидным представляется – эта сказка родилась не в хижине мужика, но в замке». (Высказывание Плетнёва по поводу сказки «Иван-царевич», адаптированной Жуковским).

Но именно Пушкин осознал всю глубину художественной ценности народной сказки. «Что за чудо эти сказки! – сказал он. – Каждая есть поэма». Более того, поэт, который более остро, чем его современники, чувствовал нужды и чаяния родной литературы, понимал: современный ему жанр русского романа только начинал развиваться, в то время как традиции устного народного творчества продолжали представлять собой для русских прозаиков поучительный и недостижимый идеал. «Ничто не может сравниться с народной сказкой, когда речь идёт об обогащении нашего языка широтой истинно русского духа. Но как много нужно сделать, чтобы научиться также говорить по русски в обычной жизни!»

Пушкин не мог ограничиться достижениями на ниве существовавшей к тому времени уже сто лет поэзии, и в течение последнего периода короткой жизни (1799–1837) попытался обогатить современную русскую литературу, создав оригинальные прозаические произведения. Именно в результате этих поисков он обратился к народным сказкам. Он хорошо знал народные сказки и предания и записывал их, но, как ни странно, его опыты на этой ниве основаны, большей частью, на французских переводах арабских сказок из «Тысячи и одной ночи», братьев Гримм

или Вашингтона Ирвинга, чем на произведениях русского фольклора. Также любопытно: все волшебные сказки Пушкина написаны в стихах, а не в прозе и, в большинстве своём, стихотворным размером, не свойственным русским сказкам. И самое удивительное: он добился успеха в передаче духа и характера русской народной сказки. Например, в знаменитой «Сказке о Золотом Петушке» Пушкин пересказывает написанную Ирвингом «Легенду об арабском астрологе», используя четырёхстопный хорей в качестве стихотворного размера, что нехарактерно для русских народных сказок, тем не менее, как русские, так и американские читатели, вольно или невольно, ассоциируют этот пастиш с русским фольклором.

В структуре русских народных сказок Пушкин искал ответ на мучивший его вопрос о том, какова квинтэссенция русской прозы. Именно этими поисками можно объяснить его попытки использовать оригинальные сюжеты русских народных сказок для написания повествовательных произведений в поэтической форме: подобный приём всегда использовался опытными шутами, будучи переходным жанром между прозой и поэзией.

Эксперименты Пушкина с русскими народными сказками, равно как и Гоголя с украинскими – пример созидательного периода в современной русской прозе. Более того, не случайно: последовавший затем период активного собирательства и изучения подлинных народных сказок, равно как и появление таких их обширных и великолепных собраний, как, например, книги Афанасьева (1855–1864), Худякова и других, совпадают с эпохой расцвета русской литературной прозы. Велика роль русской народной сказки в творческом развитии классиков русской прозы – Толстого, Достоевского, Лескова, Островского. А жанр устного повествования, продолжая существовать в русской литературе и оказывая влияние на её формирование, питается из источника фольклорных традиций.

Редко труженики на ниве этнографии бывают призваны сыграть настолько многостороннюю роль, оказывавшую так долго дивившееся влияние на историю национальной культуры, как это произошло с Александром Николаевичем Афанасьевым (1826–

1871). Без его сказок была бы пустой полка с русской литературой для детей. Поколения писателей пользовались и продолжают пользоваться наследием Афанасьева. Без него и его трёхтомного труда по символизму сказок и фольклорной мифологии⁴ не появилась бы «Снегурочка» Островского и Римского-Корсакова, не приобрела бы многогранность поэтическая образность Есенина, который, после долгих поисков в голодную пору гражданской войны, раздобыл копию исследований Афанасьева, заплатив за неё дороже, чем стоили три бушеля⁵ пшеницы, и ликовал от удачи.

Собрание волшебных сказок Афанасьева остаётся непревзойдённым в русской фольклористике, учитывая количество и разнообразие материала. Собиратели и исследователи народной поэзии и обычаев учились и учатся на его трудах. Вокруг них развернулись горячие и плодотворные дискуссии по поводу методов записи, изучения и классификации народных сказаний.

Афанасьев пришёл к изучению фольклора, выучившись на другую специальность, он получил диплом юриста. Среди более чем 600 сказок, которые он опубликовал, он лично записал только около десяти. Для публикации он использовал обширный словарь Владимира Даля, известного собирателя словарных богатств и фольклорного материала, а также уникальную коллекцию фольклорных сказок, собранную Русским Географическим Обществом. К сожалению, только в двух третях случаев Афанасьев отмечал место, где он услышал и записал фольклорное произведение. Он уделял недостаточно внимания тому, где и кто рассказал ту или иную сказку. Как редактор, он не упускал случая внести стилистические правки здесь и там,

⁴ Автор имеет в виду «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» – фундаментальное исследование А.Н. Афанасьева (1826–1871) по славянской мифологии, впервые изданное в 1865–1869 гг. Главный труд автора, над которым он работал 17 лет, и всей мифологической школы в русских этнографии и фольклористике XIX в. – Прим. пер.

⁵ Бушель – (англ. bushel) – единица вместимости и объёма сыпучих продуктов и жидкостей в странах с английской системой мер; размер сильно различается: в Великобритании – 36,37 литра, в США – 35,24 литра. – Прим. пер.

но не заходил в этом смысле так далеко, как образцовые для него коллеги, братья Гримм.

Несмотря на то, что гипотетически реконструированный архетип сказки интересовал Афанасьева, возможно, больше, чем её отдельные варианты, он не следовал принципу, приписывавшемуся ему известным историком литературы А. Пыпиным, утверждавшим: публикуемая сказка должна быть извлечена от личных суждений и оценок, «этой болтовни и отсебятины». Тем не менее, в различных случаях Афанасьев искусственно конструировал цельный текст сказки из нескольких вариантов. В дальнейшем, уже в 60-х годах, такой подход отвергнут. Худяков выдвинул тезис: «текст народной сказки должен оставаться неприкосновенным». В то же время П. Рыбников, положивший начало записям и изучению эпических русских народных песен («былин»), призывал к изучению «всего, что характеризует и описывает рассказчика, всего того, что отражает не только фольклорное содержание, но и индивидуальность». И даже в статье, посвящённой первым публикациям сказок Афанасьева, ведущий критик того времени, Н. Добролюбов, призывал собирателей фольклорной поэзии не ограничиваться только записью текста сказки или песни, но стремиться передавать полное описание социальных и психологических обстоятельств, в которых услышана песня или сказка, и учитывать, прежде всего, отношение сказителя к истории и реакцию аудитории.

Эти принципы нашли ещё более стойких последователей среди собирателей и студентов, изучавших сказки и былины. Исследователи русского фольклора стали концентрировать внимание на рассказчиках и слушателях. Проявилась тенденция к превращению записанного текста из образца для исследования в лаборатории в живой организм. Современная стенографическая запись или фонограмма народной сказки с детальной справочной информацией, фоновыми шумами и с подробной биографией сказителя или же, говоря о следующем этапе, её воспроизведении в аудио- и видеозаписи – всё это блестящие технические достижения по сравнению с текстами Афанасьева. Но, возможно, именно безыскусный эклектизм редактора «Русских народных сказок», собиравшего крупицы

народного творчества во всех мыслимых местах, дал ему возможность завершить гигантскую и срочную работу по представлению сказок русского народа во всём их многообразии.

Дальнейшее развитие в России исследований народных сказок привнесло множество существенных корректив в подход Афанасьева и выступало в качестве антитезы его точки зрения и романтическим теориям языка и традиционных знаний в этой области, которые его вдохновляли. Но можно ли представлять предыдущие теории в качестве антитезы последующим, как будто бы предшествующая точка зрения была серьёзной научной концепцией, а более поздняя – всего лишь старомодным заблуждением? Нет, необходим творческий синтез научных подходов.

Афанасьев и его учителя переоценивали унаследованную подлинность фольклорных произведений, и они не заметили: происходило постоянное взаимопроникновение письменного и устного жанра. Но позже оппоненты этой романтической теории, наоборот, переоценивали важность таких родственных связей и упустили из внимания функциональные различия между письменными и устными произведениями, они не приняли во внимание – принципы построения композиции произведений того или иного жанра отличны друг от друга. Увлечённые проблемой выявления индивидуального подхода в репертуаре того или иного сказителя некоторые выдающиеся русские исследователи национального фольклора недавнего прошлого (например, Борис и Юрий Соколовы) зашли настолько далеко, что начали трактовать каждый вариант сказки как независимое литературное произведение. Между тем появление и существование фольклорного произведения подчиняется иным законам, чем создание и дальнейшая судьба его литературного собрата.

Средневековый автор придумывает и записывает сказку: появилось на свет литературное произведение, причём автор не учитывал то, как оно будет принято в дальнейшем. Может быть, оно встретит осуждение в обществе, и только через сто или более лет потомки случайно наткнутся на рукопись, благосклонно отнесутся к нему и будут ему подражать. Или, возможно, общество примет

лишь отдельные фрагменты сказки, а остальное – отвергнет. Тем не менее, если тот же автор, выдумав сказку, начнёт рассказывать её публике, то будет положено начало устной поэзии, но станет ли это произведение фольклорным зависит только от того, примет его публика или нет. Только то произведение, которое встретит благожелательный консенсус в обществе, а это испытание общественной цензурой проходят не все из них, станет частью фольклорной традиции. Писатель может создавать то, что не будет принято обществом, но подобная концепция немыслима, если речь идёт о фольклоре.

И если Афанасьев воспринял тезис представителей романтизма: народная сказка – продукт коллективного творчества, то сейчас мы должны, несмотря на постоянные нападки на это «возрождение суеверия», признать – фольклор, также, как и язык, предполагает коллективное творчество. Но следует наивно представлять себе это коллективное творчество, как своеобразное хоровое исполнение. Сторонники теории романтизма совершили ошибку, но не в том, что они допустили наличие коллективного творчества, но в отстаивании тезиса – оно со временем ослабевает, и, следовательно, история языка и фольклорного творчества представляет процесс постоянного упадка и деградации. В частности, современная народная сказка, не в меньшей степени, чем её древний прообраз, – типично межличностная социальная ценность.

В соответствии с опытом современной лингвистики языковые принципы демонстрируют завидное постоянство. Для языков всего мира характерны недостаточное количество и относительная простота структурных моделей, и все эти модели базируются на универсальных законах. Этот схематический и периодически повторяющийся принцип построения основных законов языка объясняется, прежде всего, тем, что язык, как социальное явление, носит типично общественный характер. Аналогичные феномены, связанные со схематичностью и периодичностью повторения принципов построения народных сказок во всём мире, уже долгое время приводят в замешательство учёных и побуждают их к исследованиям.

Только часть существующих в фольклоре, также, как и в языке, общих черт можно объяснить, основываясь на тезисах общего наследия или диффузии (схем миграции). И, поскольку другие совпадения объяснить случайностями невозможно, возникает настоятельный вопрос о существовании структурных законов, с помощью которых могли бы быть объяснены эти потрясающие совпадения и, в частности, повторение сюжетов сказок, почерпнутых из различных независимых источников. Выдающиеся исследования советских учёных-фольклористов В. Проппа и А. Никифорова, посвящённые морфологии русских народных сказок, значительно приблизили разрешение вышеупомянутого вопроса. Оба эти учёных при классификации и анализе сказочных сюжетов опираются на концепцию функции действующих лиц повествования. Согласно этой теории, именно важность героя для сюжета предопределяет его поступки.

Используя собрание Афанасьева для исследования волшебных сказок, Пропп пришёл к наводящим на размышления выводам. А именно: о функциях действующих лиц повествования. Кто и какие действия совершал не имело никакого отношения к сюжету. Их действия – часть основных сюжетных элементов сказки. Количество действий, совершаемых в волшебной сказке, ограничено. Взаимосвязь и временные совпадения между этими действиями ограничиваются и регулируются определёнными законами. И, наконец, его самый удивительный вывод: «Все волшебные сказки имеют одинаковую сюжетную структуру».

Объяснение, которое мы пытались развернуть, говоря о соответствующих лингвистических феноменах, предполагает: оно также верно и для похожих по структуре сказок. Народная сказка – типичный образец коллективного творчества. Получившие развитие в обществе элементы интеллектуальной культуры, как, например, язык или народная сказка, подвержены регулированию более строгих и универсальных законов, чем те, которые действуют в тех разделах интеллектуальной культуры, где превалируют плоды индивидуального творчества. Конечно же, в композиции народной сказки присутствуют, помимо постоянных элементов сюжета, и

переменные, описание которых может варьироваться в зависимости от желания рассказчика, но не следует переоценивать эту вариативность. Афанасьев избежал опасности потерять сказку из-за множества её вариантов. «Влияние личности рассказчика на сюжет самой сказки» – бесспорно, интересная проблема, но, поскольку иерархия фольклорного творчества подразумевает примат сказки над рассказчиком, то здесь необходимо быть вдвойне осторожным.

Естественно: профессия, личные интересы и склонности рассказчика влияют на акценты, расставляемые им по ходу сюжета, что сказывается на выборе перечня и отличительных черт действующих лиц, когда, например, рассказчик, почтальон по профессии, мастерски создаёт образ двенадцатиглавого дракона для того, чтобы он послал письмо с угрозами королю, сначала – по почте, а затем и по телеграфу. Но попытки интерпретировать сюжет с учётом личного опыта выглядят неубедительными, когда речь идёт о поэтике сказок. Случается, сентиментальному человеку нравится рассказывать сентиментальные сказки, но также возможно и обратное, а именно, ярко выраженное неприятие личного опыта. В городе Верея Московской области я встретил рассказчика, мусорщика по профессии и с виду нахального головореза, но его сказки, наоборот, были полны чистой сентиментальности и высоких чувств.

Братья Соколовы отмечают: среди рассказчиков бывают мечтательные фантазёры, одержимые волшебными сказками, шутники, предпочитающие, прежде всего, сказки юмористического типа, вроде анекдотов, и некоторые другие психологические типы сказителей, а ментальность того или иного рассказчика проявляется как в выборе им репертуара, так и в манере повествования. В то же время эта проблема может иметь и двойное значение. Сказочная традиция предполагает различные отчётливо выраженные жанры – волшебные сказки, анекдоты и т. д., и наиболее предпочтительная манера рассказа той или иной сказки традиционно совпадает с её жанром. Среди всего этого богатого наследия и ассортимента рассказчик, естественно, выбирает те элементы, которые наиболее близки его индивидуальным предпочтениям

и профессиональным интересам. Но мы не можем не учитывать – рассказчик примеряет на себя одну из ролей действующих лиц фольклорной истории, в то время как в письменной литературе творческая личность может создать для себя абсолютно новое амплуа.

Для Афанасьева понятно: личность рассказчика оказывает влияние на сказку, и это вполне естественно – основная проблема всегда существовала и заключалась не в том, что сказитель как бы соучаствовал в сказочном действии. Тот же порядок проблем встаёт перед читателем, стремящимся познакомиться с миром русских сказок. Читая собрание сказок Афанасьева, он встретится с чрезвычайно разнообразным и потрясающим воображение миром русских сказок. Именно его издание послужило источником для выбора русских народных сказок, которые затем были переведены и включены в настоящую антологию.

* * *

Якобсон отстаивал уникальность древнерусской культуры, посвятив жизнь её изучению, не боясь профессиональных или карьерных «потерь». В 1948 г. он опубликовал опровержение гипотезы А. Мазона о поддельности «Слова о полку Игореве». Развернувшаяся дискуссия осложнилась политическими соображениями, поскольку, как писал Якобсон, «многие не верят Мазону, но считают его развенчание русской культурной традиции удобным орудием в антикоммунистической кампании» [9, с. 184]. В Колумбийском университете, где Якобсон работал профессором, студенты распространяли листовки, обвиняющие его в поддержке коммунистической линии в его книге о «Слове». В 1959 г. Якобсон основал «Международный журнал исследований славянской лингвистики и поэтики» (International Journal of Slavic Linguistics and Poetics), став его главным редактором. Он был погружён в специфику и реалии русского мира, изучая и отстаивая язык и культуру, нравственные и духовные ценности, отличающие русский культурный код. И с этой точки зрения, издание русских волшебных сказок целостно по содержанию, гармонично объединяя традиционные ценности культурного наследия русского мира и творчество выдающихся деятелей, развивав-

ших и пропагандировавших его ценности и непреходящее значение. Это касается Александра Алексеева, иллюстратора книги, и Романа Якобсона, написавшего вступительную статью. В отличие от Алексеева, отказавшегося посетить СССР, Якобсон часто бывал в Москве [10, с. 385]. В 1956 г. участвовал в Первом международном съезде славистов [8, с. 474].

Вполне логичным явилось и принятие Романом Осиповичем таинства православного Крещения в 1938 г. Его крёстным отцом стал П.Н. Савицкий, один из лидеров философско-политического движения Евразийство⁶. Якобсон разделял её ценности и поддерживал эту теорию. Такая духовная и культурная эволюция Романа Осиповича соответствует формам распространения цивилизации, сформулированным Н.Я. Данилевским, чьи научные воззрения использовались теоретиками евразийства: рассматривая пути воздействия культурного кода одной цивилизации на другую, он отмечал – последнее «...есть действие, которое мы уподобим влиянию почвенного удобрения на растительный организм, или, что то же самое, влиянию улучшенного питания на организм животный. За организмом оставляется его специфическая образовательная деятельность; только материал, из которого он дол-

жен возводить своё органическое здание, доставляется в большем количестве и в улучшенном качестве, и результаты выходят великолепные; притом всякий раз – результаты своего рода, вносящие разнообразие в область всечеловеческого развития, а не составляющие бесполезного повторения старого...». Н.Я. Данилевский делал вывод: «...цивилизация, то есть раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип под влиянием своеобразных внешних условий, которым они подвергаются в течение своей жизни, тем разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составные элементы, то есть народности, входящие в образование типа» [11, с. 123-125]. Научное служение Р.О. Якобсона обогатило цивилизацию русского мира. Учёный, в свою очередь, выступил в качестве крёстного отца известного московского переводчика Константина Богатырева, с отцом которого Петром работал в Праге и снимал одну квартиру на две семьи [8, с. 438].

Роман Якобсон умер в 1982 г. в Кембридже (США, штат Массачусетс) и похоронен на кладбище Маунт Обёрн (Mount Auburn). С.И. Богатырёва свидетельствует: «Отношение к нашей стране даже в её тогдашнем уродливом виде было у Якобсона реализацией найденной им метафоры: «Россия – мать. Чехия – первая любовь. Франция – прекрасная любовница. Америка – брак по расчёту», – так обозначал он свои перемещения по Земному шару. Что тут скажешь: мать по определению неподсудна, к матери какие могут быть претензии? Она прекрасна, и всё тут» [8, с. 484]. Не изменил он любви к далёкой Родине и после смерти: по его просьбе, на надгробии выгравировали надпись на русском: «Роман Якобсон – русский филолог».

Александр Алексеев 8 августа того же года покончил с собой в мастерской в 14 округе Парижа; похоронен в склепе родителей Клер Паркер на английском кладбище в Ницце, где на мраморном цветнике лежит небольшая деревянная доска с краткой надписью «Alexander Alexeieff».

⁶ Идеиное и общественно-политическое движение в среде русской эмиграции в 1920–1930-х гг. Датой возникновения считается 1921 г., когда в Софии была издана коллективная монография П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского и П.П. Сувчинского «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Заметный вклад в разработку идеологии внесли Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин и др. Считая неизбежным воссоздание единого Российского государства, евразийцы выдвинули историческую и культурологическую концепцию России-Евразии как самобытной цивилизации, соединившей в себе элементы Востока и Запада (под Евразией понималась срединная часть Европы и Азии, объединяющая три равнины: Восточно-Европейскую, Западно-Сибирскую и Туркестанскую), опираясь на идеи С.М. Соловьёва, А.П. Щапова и В.О. Ключевского о роли природно-географического фактора в русской истории, а также теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. В качестве основных аргументов, способствующих воссозданию единого Российского государства, его сторонники рассматривали уникальное ландшафтно-климатическое пространство России-Евразии, её особый этнокультурный ареал и доминирующую роль православия. Сторонником этой теории считал себя и Л.Н. Гумилёв. – Прим. авторов.

Список литературы

1. *Алексеева-Роквелл С.А.* Зарисовки = Snapshots: истории моей юности. Ярославль: Рыбинский дом печати, 2013. 301 с.
2. *Starr C.* Remembering Claire Parker // Alexeieff. *Itinéraire D'un Maître – Itinerary of a Master*. P.: Annecy, 2001. P. 208-228. Пер. Звонарева О.В.
3. *Tolstoy L.* Stories and Legends / Illustration by Alexander Alexeieff. Translation by Louise and Aylmer Maude. Introduction by Dorothy Canfield Fisher. N. Y.: Pantheon books Inc., 1948. 224 p.
4. *Хамидуллина В.П.* Специфика художественного перевода русских и татарских литературных сказок в контексте диалога культур. Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2020.
5. *Зуева Т.В.* Сказки Пушкина: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1989. 159 с.
6. *Звонарёва Л.У.* Иван – Железная Рука // Серебряный век Ренэ Герра. СПб.: Росток, 2012. 672 с.
7. *Маяковский В.В.* Товарищу Нетте, пароходу и человеку // Путешествие в страну поэзия: в 2 т. / сост. Л.А. Соловьёва, Д.А. Семичев. Л.: Лениздат, 1970. Т. 1. 416 с.
8. *Богатырёва С.И.* Серебряный век в нашем доме. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 512 с.
9. *Якобсон Р.О.* / Р.О. Якобсон – С.И. Карцевскому. September 20, 1948 // Якобсон Р. Тексты, документы, исследования / отв. ред. Х. Баран. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. 918 с.
10. *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж; Москва: Ymca-Press–Русский путь, 1996. 448 с.
11. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Ин-т рус. цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

References

1. *Alekseyeva-Rokvell S.A.* *Zarisovki = Snapshots: istorii moyey yunosti* [Sketches: Stories from My Youth]. Yaroslavl, Rybinsk Printing House, 2013, 301 p. (In Russian).
2. *Starr C.* Remembering Claire Parker. *Alexeieff. Itinéraire D'un Maître – Itinerary of a Master*. Paris, Annecy Publ., 2001, p. 208-228. Trans. by Zvonarev O.V. (In French)
3. *Tolstoy L.* *Stories and Legends*. New York, Pantheon books Inc., 1948, 224 p.
4. *Khamidullina V.P.* *Spetsifika khudozhestvennogo perevoda russkikh i tatarskikh literaturnykh skazok v kontekste dialoga kul'tur* [Peculiarities of Russian and Tatar Fairy Tales Translation Considering Culture Dialogue]. Kazan, Editorial and Publishing Center "School", 2020. (In Russian).
5. *Zuyeva T.V.* *Skazki Pushkina* [Fairy Tales by A. Pushkin]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, 159 p. (In Russian).
6. *Zvonareva L.U.* Ivan – Zheleznaya Ruka [Ivan the Iron Arm]. *Serebryanyy vek Rene Gerra* [René Guerra's Silver Age]. St. Petersburg, Rostok Publ, 2012, 672 p. (In Russian).
7. *Mayakovskiy V.V.* *Tovarishchu Nette, parokhodu i cheloveku* [To comrade Nette, the ship and the man]. *Puteshestviye v stranu poeziya: v 2 t.* [Travel to the Poetry Land: in 2 vols.]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1970, vol. 1, 416 p. (In Russian).
8. *Bogatyreva S.I.* *Serebryanyy vek v nashem dome* [The Silver Age at our Place]. Moscow, AST Publ., Elena Shubina Editorial Board, 2019, 512 p. (In Russian).
9. *R.O. Yakobson – S.I. Kartsevskomu.* September 20, 1948 [R.O. Jakobson – to S.I. Kartsevsky. September 20, 1948]. In: *Yakobson R. Teksty, dokumenty, issledovaniya* [Texts, Documents, Studies]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1999, 918 p. (In Russian).
10. *Struve G.* *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile]. Paris, Moscow, Ymca-Press–Russkij put Publ., 1996, 448 p. (In Russian).
11. *Danilevskiy N.Y.* *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., Bлагословение Publ., 2011, 816 p. (In Russian).

Информация об авторах

Звонарёва Лола Уткировна, кандидат филологических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедр гуманитарных дисциплин, иностранных языков и коммуникационных технологий, академик РАЕН и ПАНИ, член Русского ПЕН-центра, секретарь Союза писателей Москвы, главный редактор альманаха «Литературные знакомства». Институт мировых цивилизаций, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: lzvonareva@mail.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, подбор и анализ литературных источников, написание 50 % текста статьи.

Звонарёв Олег Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедр гуманитарных дисциплин, Иностранных языков и коммуникационных технологий. Институт мировых цивилизаций, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: donfeliz@yandex.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, подбор и анализ литературных источников, написание 50 % текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 06.11.2020 г.
Поступила после рецензирования 16.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the authors

Lola U. Zvonareva, Candidate of Philology, Doctor of History, Professor, Professor of Humanities, Foreign Languages and Communication Technologies Departments, Academician of RANS and PAS, Member of PEN Russian Centre, Secretary of the Union of Russian Writers, Editor-In-Chief of the Almanac "Literary Acquaintances". Institute of World Civilizations, Moscow, Russian Federation. E-mail: lzvonareva@mail.ru

Contribution: idea, main study conception, literature sources selection and analysis, 50 % manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0003-1208-4611

Oleg V. Zvonarev, Candidate of History, Associate Professor of Humanities, Foreign Languages and Communication Technologies Departments. Institute of World Civilizations, Moscow, Russian Federation. E-mail: donfeliz@yandex.ru

Contribution: idea, main study conception, literature sources selection and analysis, 50 % manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received 6 November 2020
Reviewed 16 December 2020
Accepted for press 25 December 2020